
Герман Канабеев

Неделя

Рассказ

Понедельник

Так. Хлеб, молоко, яйца. На это хватит. Вот они лежат на полке. Три-четыре сытых дня. Андреев потянулся за канистрой молока. Полки с молочкой расфокусировались. Андреев так и замер с протянутой рукой.

«Доступно обновление», — появилось предупреждение перед глазами на фоне размытых полок с молоком, маслом и кефиром.

Андреев кивнул и прижался к стойке с чипсами, чтобы не мешать другим покупателям.

На днях обещали большое обновление, и не нужно будет вот так зависать и ждать, когда прогрузится реальность. Обновления будут устанавливаться в фоновом режиме.

Обновление, наконец, загрузилось и установилось. Андреев снова потянулся за молоком.

«Действие недоступно в бесплатной версии реальности. Пополните счет», — выскочило предупреждение.

«Да пошло всё!» — заорал на весь магазин Андреев.

«Нам важно ваше мнение. Помогите нам стать лучше, оставьте свой отзыв», — загорелось перед глазами красным.

Андреев выскочил на улицу.

Сегодня утром, перед тем как зайти в магазин, Андреев наслаждался редким для Москвы солнцем. Теперь небо было словно завернуто в полиэтилен. «Где это долбаное солнце?» — подумал Андреев.

«Солнце недоступно в бесплатной версии реальности», — прочитал он уведомление на фоне серого неба, и вдогонку: «Сеть магазинов "Тингам" приглашает вас на пятничную распродажу, для вас будут доступны: суповой набор, маргарин, сухари ржаные, водка, вода — независимо от уровня вашей подписки».

— Какой сегодня день? — спросил Андреев у мужика, прижавшегося спиной к фонарному столбу в ожидании загрузки обновления.

— Понедельник, — ответил тот.

Герман Канабеев — прозаик. Родился в небольшом городе на границе с Монголией в 1980 году. Испробовал множество профессий, жил во многих городах, нигде не оставаясь надолго. Автор романа «Я буду Будда» (2018, серия «Книжная полка Вадима Левенталея») и сборника рассказов «Кодокуши» (М., «Издательские решения», 2018).

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 1.

Андреев поднялся на свой этаж.

«Дверь не может быть открыта автоматически в бесплатной версии реальности», — мелькнуло перед глазами.

Андреев достал ключ из кармана куртки и открыл дверь.

«Девочка моя», — хотел сказать Андреев, но сквозь голосовое уведомление — «Уменьшительно-ласкательные недоступны» — прорвалось только:

— Жена!

Конечно, Андреев и без визуализации помнил, где и что в квартире, и без проблем прошел из прихожей в комнату. Он знал, что жена лежит на кровати, он знал, где стоит кровать, и несмотря на то, что перед глазами было сплошное размытое пятно расфокусированной реальности, он понимал и чувствовал, что она здесь, лежит на кровати такая красивая и недоступная в бесплатной версии реальности.

— Я говорила тебе, что больше не буду с этим мириться? — голос жены был спокоен, и спокойствие пугало. Обычно она всегда выражала свое недовольство бурно, если не сказать большего.

— Обещаю, я подпишусь на премиум аккаунт. Я обещаю, — сказал Андреев.

— А пока поживем так, да? Как ты это себе представляешь?

— Прости, я подпишусь.

«Звук отключен. Подпишитесь на премиум аккаунт».

Андреев подошел к кровати и попытался прикоснуться к жене.

«Действие недоступно. Подпишитесь на премиум аккаунт».

Ни слуха, ни зрения. Размытое пятно перед глазами и бесконечное мелькание уведомлений. Андреев знал, что еще минута, и даже эта тишина из-за отключенных Системой звуков скоро взорвется рекламными сообщениями. Еще минута, еще минута. Затем максимум полчаса, и придет полиция. А он уже и сказать ничего ей не может. Не может объяснить, зачем он это делает — не продлевает платный аккаунт.

«Ваш аккаунт заблокирован. Ожидайте службу поддержки», — высветилось перед глазами.

Через несколько минут дверь в квартиру открылась, и в тот же момент Система отключила Андрееву зрение. В кромешной тьме он услышал:

«Андреев Максим Анатольевич, бесплатный период пользования окончен, вы будете депортированы за пределы Системы».

Первое, что почувствовал Андреев, открыв глаза, — холод. Здесь, за пределами Системы, рекламные сообщения еще подгружались, но скорости не хватало, и он слышал только обрывки: «Лучшее предложение... успеете подписаться...»

Андреев начал замерзать.

«Вы нарушаете лицензионное соглашение и авторские права, ощущая холод», — высветилось Андрееву, но холод при этом никуда не исчез. Андреев посмотрел на небо. Небо было синим, высоким и безразличным.

«У вас нет прав на осознание неба».

Андреев знал, что жить ему осталось не больше часа. Сколько ему там по факту лет? Официально тридцать, но, когда он в последний раз запрашивал данные по факту, было двести сорок. Вне Системы организм возьмет свое так быстро, что Андреев и понять не успеет, что это такое — настоящее небо и настоящий холод. Андреев лег на снег. Спину обожгло холодом. Зимнее солнце падало к горизонту.

«Оранжево-красный цвет доступен после принятия лицензионного соглашения», — прочитал он уведомление. Но солнце оставалось оранжево-красным на закате. Будто и нет Системы, будто и нет никаких уведомлений. Второе солнце в зените пылало и грело, но Андреев не мог смотреть на него и не мог согреться под его

лучами, потому что тем самым нарушил бы авторские права. Солнце в зените было доступно только по подписке.

Андреев закрыл глаза.

«Вы нарушаете авторские права на темноту, подпишитесь на премиум аккаунт».

Темнота оставалась темнотой. С этой темнотой Система справиться не могла. Темнота была ощутимой, словно это не отсутствие света, а что-то живое, теплое и пушистое.

«Смерть недоступна в бесплатной версии реальности. Оплатите премиум аккаунт».

Андреев улыбнулся, прочитав это уведомление. Он знал, что смерть предусмотрена всегда, независимо от оплаты аккаунта, независимо ни от чего.

Тишина. Ни одного уведомления. Ни одного рекламного сообщения. Тишина. Пустота. Смерть.

«Спасибо, что были с нами. Мы дарим вам премиум подписку на пять лет. Благодарим за пользование Системой. Вы подключены к звукам... вам доступны уменьшительно-ласкательные... доступна визуализация...»

«Да едрить уже колотить», — подумал Андреев.

Вторник

После подписки на премиум аккаунт Андрееву пришлось подождать еще десять минут, пока закончатся все рекламные ролики. В полученном вместе с премиум аккаунтом пакете обновлений убрали возможность пропускать рекламу через десять секунд просмотра. Андреев пытался отвлечься на какую-нибудь мысль, чтобы не обращать внимания на рекламу. Перед глазами выскочило уведомление: «Мыслительный процесс недоступен для вашего тарифного плана. Если хотите переключиться на тариф “Мыслибезлимит”, подумайте “А”».

«А», — попытался подумать Андреев.

«В вашем тарифном плане не предусмотрена функция — думать. Для переключения на тариф “Мыслибезлимит”, подумайте “А”», — прочитал уведомление Андреев. Сбоила не Система, явно что-то случилось с модулем. Андреев постучал кулаком по лбу.

«Новый год с доставкой! Только подумайте! Только подумайте, и праздник будет доставлен в ваш дом немедленно».

«Подумайте», — попытался подумать Андреев, но мысль оборвалась, и он оказался в промежутках между мыслями.

В этом состоянии Андреев не был никогда. Он слышал, что такое было возможно еще лет пятьдесят назад, когда модули не были настолько совершенны. В то время даже не существовало запрета на отсутствие мыслей, а думать можно было без просмотра рекламы. Как только Андреев очутился в промежутках между мыслями, тут же завопила сирена, зрение отключилось, и вместо пустоты не-мышления Андреев осознал предупреждение: «Вы нарушаете 8132 ст. уголовного кодекса Российской Конфедерации, запрещающую осознанность. Если причина вашей осознанности в неисправном оборудовании, обратитесь в ближайший многофункциональный центр».

Андреев тряхнул головой. Зрение вернулось. Сирена смолкла. «Ваш модуль неисправен? Вы попадаете в промежутки между мыслями? Получите новый модуль “Спутник XXIV” и забудьте о такой проблеме, как осознанность», — прочитал уведомление Андреев.

В многофункциональный центр — МФЦ — очередь растянулась на несколько сот метров. Андреев встал в самый ее конец, и в этот момент перед глазами зарыбило, и модуль в голове, видимо, окончательно вышел из строя. Ни думать, ни вникать, ни

быть Андреев не мог. Он снова попал в промежуток между мыслями, но оставался спокоен. Здесь, возле МФЦ, его не могли привлечь за это преступление, ведь Андреев не делал этого специально.

Андреев чувствовал себя пустым, ненужным. В промежутках между мыслями не было никакого Андреева. Была зима. Мерз кончик носа, и от мороза пощипывало пальцы ног и рук. В этих ощущениях не было смысла и не было цели. Непонятно, что с ними делать и зачем они. К чему эти не самые приятные ощущения тела, если за ними не следует предложения прекратить их?

Мужик, за которым в очереди пристроился Андреев, оказался беспокойным. Он то и дело оборачивался и смотрел в глаза Андрееву так, будто хотел увидеть, о чем тот думал. Андреев же, может, и хотел бы подумать о том, чего этот мужик хочет, но тогда бы он не мучился сейчас в этой очереди.

Наконец, поняв, что Андреев не может ничего подумать, мужик спросил:

— Сломался?

— Ъх нах, — вырвалось у Андреева, хотя он не это имел в виду.

— Ясно, — ответил мужик. — Давай я тебе со своего модуля мысль раздам.

— Ёух, — ответил Андреев.

Соединение от мужика было агрессивным. Даже сломанный модуль Андреева ожил, почувствовав настолько мощный сигнал.

— Теперь слышишь? — спросил мужик.

— Слышу, — ответил Андреев. — Как это у тебя так получается?

— Тариф такой — «Святейший», — не слышал? Хотя откуда ты услышишь, он корпоративный. В нем даже рекламы почти нет, так, только специальные предложения. Хочешь такой?

— Хочу, — ответил Андреев. — Я мыслить буду?

— Будешь. Только на такой вопрос ответь, тебе важно *мыслить* или *о чем* мыслить?

— Мыслить, — не задумываясь, ответил Андреев.

— Ладно, тогда, когда очередь дойдет, скажи, что у тебя есть промокод, понял?

— Понял, а какой промокод?

— «Ежи еси на». Запомнил?

— Запомнил, — ответил Андреев и тут же снова попал в промежутки между мыслями. Мужик отключил раздачу со своего модуля.

«Ежи еси на», — сказал Андреев оператору, когда подошла его очередь. Выскочившее было перед глазами уведомление о воскресной распродаже суповых тарелок тут же исчезло. Оператор посмотрел на Андреева с опаской и сказал: «Вы подключены».

Андреев вышел из МФЦ. Ни одного рекламного сообщения перед глазами, и нет этого невыносимого состояния между мыслями. Единственное, из-за чего Андреев чувствовал себя некомфортно, — непреодолимое желание поделиться этим своим новым состоянием хоть с кем-нибудь. Когда Андреев уже начал нервничать из-за того, что с ним ничего не происходит, звуковое уведомление: «Вы отключены от тарифных планов. Примите лицензионное соглашение на пользование стопроцентной верой», — вернуло его в нормальное состояние.

«Я согласен», — подумал Андреев.

«Здравствуй, сын мой, неси слово мое, да пребуду с тобой я», — всплыло сообщение перед глазами.

«Ежи еси на», — подумал Андреев и постучал себя по лбу.

Среда

«Я же куда-то шел. Была какая-то простая причина. Идти. Я зачем-то вышел в понедельник из дома. Дом. В доме была, да и есть, жена. Интересно, кто эта женщина? До этого проклятого МФЦ об этом думать было не нужно. Ее мне предложил алгоритм после трех тысяч скипов возможных кандидатов. И так же ей меня. Что это, если не судьба? Какова вообще была вероятность, что Система с такой точностью предложит мне человека, которого нужно любить? Были учтены все предпочтения. Я люблю именно таких женщин. Почему я *таких* люблю? — потому что это правильно. Кто сейчас, будучи разумным человеком, станет полагаться на выкрутасы мозга, а уж тем более станет полагаться на безошибочность чувств? Потом такую жену, выбранную бессистемно, хранить в чулане и любить втайне? Первый же ужин с друзьями, привычная для таких посиделок игра в «Сканы» — и что? Профиль Андреева в предложенной ему версии реальности тут же станет предметом насмешек. Это если никто не пожалуется куда следует и Андреева вообще не упекут в безинформационность на пару лет. Он слышал, что случается с людьми, получившими такое наказание. Представить страшно, да как это вообще возможно, — провести пять лет в безинформационной реальности? И как, простите, любить женщину, не предложенную Системой? Зачем мириться, например, с тем, что у нее ноги короче, чем нравится Андрееву? Или грудь у нее больше, чем ему надо, только потому, что так распорядились какие-то там чувства. Ведь можно получить все сразу и в идеальных пропорциях. Почему не быть счастливым просто так? Довериться Системе и быть счастливым. Куда я вообще пошел в этот понедельник? Какая была причина?» — об этом думал Андреев последние десять минут, стоя на балконе.

Андреев пытался растопить дыханием морозный рисунок на стекле, пытался испортить эту красоту за то, что так долго ее не видел. Он в этот момент восхищался собой и ненавидел себя. Восхищался за то, что способен не любить красоту, и ненавидел за то, что красота делает его рабом жизни. Потому что жизнь — тоже Система со своими правилами и уровнями доступа. Только в Системе ты имеешь право выбора даже на базовом аккаунте, а в жизни никаких правил нет. И, если ты не оплатил свое будущее, ты уж точно ничего себе не гарантировал.

Андреев испортил дыханием и теплом рук весь рисунок зимы на стекле. Идеальный фрактал превратился в мазню. Похоже было на те картины, когда люди еще не научились рисовать мыслью, доверяя ее поток Системе, а делали это руками.

«Среда, — подумал Андреев и кинул мысль-вопрос вдогонку. — И как дожить эту неделю?»

Андреев подумал о визуальном меню. Перед глазами появился стандартный перечень действий: транслировать, отложить, передумать, думать, действовать. Андреев выбрал — «транслировать». Понедельник и вторник со всеми деталями подгрузились в Систему. Андреев подумал о мысленных уведомлениях в сон. «Микшировать со сновидениями?» — спросила заботливая Система. «Микшировать», — выбрал Андреев.

Ему хотелось увидеть, что сделает Система, опираясь на понедельник и вторник, как она сведет эти потоки в одну картинку.

Андреев лег в кровать, с минуту полежал на спине, резко задрал ноги и тут же опустил, чтобы поймать край одеяла. Андреева толкнула Андреева в бок. Андреев повернулся, согнул ноги в коленях. Андреева обняла его со спины. Андреев и Андреева лежали, как патрон в патроннике, как первые сопоставленные паззлы из тысячи разбросанных, как совпавшая пара в Системе после миллионов скипов. «Нам завтра предлагают пойти в музей», — промурлыкала Андреева. «Хорошо, давай пойдем», — ответил Андреев, и в этот момент ему стало страшно от мысли, что Система предложила пойти в музей Андреевой и ничего не предложила ему.

- Ежи еси на, — прошептал Андреев.
- Ежи еси на, — ответил кто-то невидимый в его голове.

Четверг

Перед тем как заснуть, Андреев попытался вызвать привычное меню выбора снов. Он уже приноровился выбирать так, чтобы видеть как можно меньше рекламы. Реклама во снах функция свежая, алгоритмы еще сырые, и, если правильно выбрать сон, можно получить сновидение с тремя, максимум с четырьмя рекламными паузами. Меню предложило пять стандартных пунктов: еда, секс, война, популярность, богатство. Но было кое-что еще — под сноской, где обычно мелким шрифтом прописываются условия использования, красовалась еле заметная ссылка «Спать как есть». «А этот тариф, наверное, не так уж и плох», — подумал Андреев, используя ссылку, и провалился в самый глубокий сон в своей жизни.

Утром, проснувшись, Андреев понял, что не помнит, снилось ли ему вообще что-то, и от этой мысли сердце замерло на мгновение и тут же пустилось вскачь. Статью № 9999 Российской Конфедерации еще никто не отменял, и вот так безнаказанно выпав целую ночь без снов, можно запросто загреметь в «безинформационность» лет на пять. Но Система молчала. Рядом сопела Андреева.

Андреев запросил сновиденческое меню Андреевой. «Введите код доступа», — заботливо высветила Система. «Муж», — подумал Андреев. «Статус», — спросила Система. «Любящий», — подумал Андреев. Перед глазами понеслись картинки. Так Система анализировала, правдив ли ответ Андреева. Система шерстила память Андреева и Андреевой. Вот они в первый отпуск после того, как Система подобрала их друг другу. Они счастливы. Бирюзовое море, белый песок. Вот вечер. На столе морепродукты. Андреева улыбается, улыбается Андреев. Система ставит галочку. Вот Андреевы в спальне. Система переходит в режим прослушивания. Стонет Андреева, стонет Андреев. Система ставит галочку. Мельтешат картинки, галочки проставляются одна за одной. Система пускает Андреева в меню выбора снов Андреевой с пометкой: «Ваш ответ честен на 95%». Андреев немало удивился. На стандартном тарифе Система показывала 100%, что не могло не вызвать улыбку. Эта разница в пять процентов успокаивала Андреева. Пять процентов оставляли шанс на то, что Система не может до конца разобраться в хитросплетениях человеческих чувств. Но вот эти 95%?..

А жена ничего себе на сон не пожелала, уснула просто так, и теперь каждые пять секунд ее мозг атакует реклама, никак не связанная с предпочтениями. «Может, устала? — подумал Андреев. — Сколько раз я вот так засыпал, устав выбирать?»

На этой мысли Андреев вспомнил свой первый сон. Этот сон всегда врывается в память, когда что-то скоблит изнутри сомнениями и недовольствами. В том сне нет картинок. Там чернота и голос. Конечно, Андреев всегда был согласен с этим голосом. Цифрокрапия действительно покончила с большинством проблем, да что там, покончила с главной из проблем — смертью — в привычном ее понимании. И, казалось бы, просто выбирай в предложенном меню. Выбирай, выбирай, выбирай все что хочешь. Благодаря твоему сегодняшнему выбору Система станет умней, и дети, наши дети, будут жить в еще более совершенном мире. Выбирай! Ты не имеешь право не выбирать! Ты хочешь быть приравненным к террористам? Ты из тех мракобесов, что могут жить без выбора? Что ж! Выбери тогда «Жить без выбора».

Андреев отключился от меню Андреевой. «Ежи еси на», — высветилось перед глазами на фоне потолка. «Что?» — спросил Андреев. «Создайте идею на день». Такое от Системы Андреев не получал никогда и оттого почувствовал себя неудобно. Что бы он о Системе ни думал, но она никогда не подкидывала задач, которые нужно

по-настоящему решать. Всегда нужно было действовать в пределах предложенного выбора, и так вот, прямо в лоб — «Создайте идею на день»? «Режим считывания идеи запущен», — Андреев на периферии зрения отметил включившийся на двадцать четыре часа с убыванием таймер. Вот так жизнь делает загогулину, и вдруг понимаешь, что нет опыта прожить текущий день.

Ушло время, когда, выходя из дома, было страшно захлопнуть дверь, забыв ключи. Потом было страшно забыть дома мобильный телефон. Затем страшно было забыть дома маску. Потом было страшно не отсканировать план маршрута в домофоне. Потом — попробуй остаться спокойным, если вышел из дома и не активировал коптер-дрона. Годы несутся, и в каждом новом году человек стоит растерянный посреди жизни и не знает, что именно сегодня он забыл сделать.

Теперь Андрееву, например, нужно авторизовать идею на день. Андреева ругалась, что он не приспособлен к жизни совершенно. Андреев не мог без проблем пройти стандартную гармонизацию с утра, несмотря на то что это так же легко, как заказать удаленную чистку зубов, а сегодня ему еще и придумать идею нужно?

— В чем сложность? — спрашивала, бывало, Андреева. — Почему любая твоя цель на день всегда заканчивается тем, что тебя блокируют и я на протяжении нескольких дней вижу мужа, тупо лежащим на диване, отключенным от Системы?

— У меня нет цели не только на будущий день, у меня вообще нет цели, — отвечал Андреев Андреевой.

Конечно, Андреев лукавил, что у него совсем нет цели. Каждый день он активировал бесплатную для любой версии реальности цель — «Прожить день».

Но как от любой бесплатной функции, от нее было мало толку. Какой нормальный человек станет пользоваться всю жизнь бесплатной целью на день, когда в системе столько прекрасного за 9,99 цифройнов в месяц?

Андреев стоял у подъезда и думал об идее на день, который уже два часа как начался. С целью, с его бесплатной целью было куда проще. Андреев даже не совсем понимал, чем отличается цель от идеи. Андреев поклонился домофону, коснувшись лбом дисплея. «Квартира номер семнадцать, выход в город разрешен», — сообщил приятным голосом домофон. Андреев еще раз поклонился домофону, надеясь, что его спросят об идее. Домофон молчал. Молчала Система. Молчал мир.

Мир был возле Андреева, но не проникал в него и Андреева не пускал в себя.

«Кто я?» — подумал Андреев.

«Неверный запрос», — выскочило уведомление перед глазами.

Пятница

Андреев шел к МФЦ. Система молчала, из-за этого Андрееву пришлось просто слушать, как под ногами скрипит снег. Он был уверен, что там, возле МФЦ, найдет того мужика, что дал ему промокод на тариф «Святейший», и тот сможет объяснить, что ему, Андрееву, теперь делать. Да что там делать — как ему жить с тем, что для жизни теперь нужна идея. На самом деле Андреев боялся странного обстоятельства: Система не угрожала. Не было уведомлений, дескать, «Не будет идеи — отключат, поместят в безинформационность». Андреев так не привык. Ему нужно было знать точно, за что его можно привлечь и где у него есть места для маневра. В безнаказанность даже на этом тарифе он не верил. Всё — часть Системы, и ничего не может быть вне ее. А незнание алгоритмов не освобождает от результата их компиляции.

К МФЦ, как всегда, стояла километровая очередь. В очереди — шум, гам и мат. Вот бабуля бьется головой о фонарный столб, пытаюсь оживить модуль, чтобы оплатить счета за квартиру. Другая бабуля гладит ее по спине и успокаивает: «Да в первый раз, что ли, дорогая, ну? Не выселят. Куда тебя выселять? Ты же всю пенсию

за счета и подключение отдаешь. Да на нас всё и держится!» Вот мамаша тянет за руку сына-подростка к двери МФЦ и заставляет поклониться домофону, чтобы засранца поставили на учет. «Ты в армию хочешь? — спрашивает мамаша. — Собираешься год потратить, а на что? Скажи мне? Целый год сидеть в четырех стенах и визуализировать бомбометание с беспилотников? Я тебя для того растила?»

Андреев пристроился в конце очереди и простоял до обеда, так и не сдвинувшись ни на метр. Здесь, в конце очереди, он слышал, как кто-то возмущался: «Вот только у нас такое, как сто лет назад. В нормальных странах все дистанционно или с доставкой. Но Россия-матушка как всегда! В Европе уже от тел освобождают, а у нас всё ножками куда-то идти надо. Как так, а?» — «А в Америке?» — вторил кто-то. — «Там не только от тел освободили, там можно снова в тела воплощаться. Они там и туда, и сюда, а у нас очередь, чтобы модуль поменять». — «Да везде Цифрократия как Цифрократия, у нас же мудократия, по-другому не скажешь», — добавлял кто-то невидимый, но, судя по одобрительному гулу в очереди, выражающий мнение большинства.

Когда гул в очереди достиг совсем уж неприличного уровня, над толпой завис полицейский дрон. Стало тихо. «Смотреть в небо», — высветилось у всех перед глазами. Дрон сканировал эмоции и рассчитывал проценты лояльности. Кому повезло, у тех перед глазами появилось: «Ваша лояльность Системе больше пятидесяти процентов, поздравляем, можете продолжать стоять в очереди». Кому не повезло... Андреев не знал, какое сообщение получают те, кому не повезло, но видел, как они послушно выстроились в цепочку и поплелись вслед за дроном. «Утилизация», — словно ветер по кронам деревьев, пронеслось по очереди. Дрон замер на мгновение. Все посмотрели в небо, постояли так пару секунд. Еще несколько человек вышли из очереди и пристроились за дроном. Остальные уставились под ноги. И Андреев уставился. Он знал, что у всех, кто остался в очереди, сейчас открыт бесплатный доступ к новому сериалу от «Нетмикс», и параллельно идет раздача кодов для доступа к пятничной распродаже. Только вот Андрееву ни серий, ни кодов не предложили. У него так и висело перед глазами: «Активируйте идею».

Люди в очереди прогрузились. Получили свои сериал и коды. Теперь стояли счастливые. Очередь, наконец, потекла. Здесь, в самом конце, где стоял Андреев, стали зависать личные дроны с доставкой. Кто-то перекусывал бургерами, увлекшись сериалом; вот женщина радостно схватила пакет с обновками и уже примеряет туфли на февральском морозе. Коптер-дронов становилось все больше, и очередь понемногу стала рассасываться.

Единственный день в неделе, когда Система разрешает закончить цель на день к обеду — пятница. Андреев понял, что смысла стоять в очереди дальше нет. Он видел, как на крышу МФЦ садятся коптер-дроны с доставкой. Пятница — ничего больше не может быть, кроме бесконечных доставок, промоакций, скидок, доступа к сериалам за один цифройн. Мир умер. Мир радостно поглощает предложенные Системой ценности, и даже реклама не тревожит людей, пока они жуют, пока они примеряют, пока они смотрят. За это им выдадут лишний сезон сериала, лишний бесплатный бургер с доставкой и еще одни туфельки, еще одно платьишко. Все будет хорошо в эту пятницу, как и должно быть в пятницу. И в этом есть что-то прекрасное: мягкое жужжание коптер-дронов, февральский снег, подкрашенный Системой в те цвета, что предпочитает пользователь, вкусно, тепло, уютно.

Только вот Андрееву уютно не было. Система не подкрашивала, не задавала чувств, не прислала ему коптер-дрона. Он стоял и смотрел, как те, что еще несколько минут назад стояли в этой очереди и казались людьми, теперь валялись тут же на снегу, жрали, размазывая соус по лицу, смеялись, смотря у себя в голове новый сезон одного на всех сериала.

Андреева затошнило. Он присел на корточки, и в этот момент почувствовал, как на плечо опустилась чья-то рука. Андреев встал. Перед ним стоял худой высокий мужчина.

— Ну, как тебе? — спросил он. — Я — Васильев, — представился мужик.

Васильев осенил себя крестом, и его коптер-дрон послушно сел на плечо хозяина.

— Андреев... — начал было Андреев.

— Знаю, — отмахнулся Васильев.

Васильев слегка коснулся пальцем лба Андреева, и тот рухнул на землю без сознания.

Суббота

Андреев пришел в себя. Перед глазами выскочило знакомое уведомление: «Активируйте идею». Андреев огляделся. Квартира, где он очнулся, была в плачевном состоянии. С трудом верилось, что здесь может жить человек: ни одного монитора, пол без зарядки, потолок без визуализации, вместо панели выбора вида обычное окно. Андреев и подумать не мог, что где-то могут быть просто окна с жалкой и унылой действительностью за стеклами. Убогое, непригодное для жизни жилье. Конечно, здесь не было антигравитационной колонки, и кто-то положил Андреева, пока он был без сознания, на обычную кровать и даже заботливо укрыл его одеялом.

Андреев запросил местоположение. Система молчала. Так быть не должно, и единственное, что успокаивало теперь Андреева, — уже привычное уведомление: «Активируйте идею». Значит, он еще в Системе. Андрееву хотелось закричать: «Я активирую, твою мать, активирую, но можно мне хоть какое-нибудь меню выбора этой долбаной идеи?» Почему-то сейчас ему было безумно страшно оказаться вне Системы. Всегда было страшно, но сейчас, когда Андреев не знает, где он и почему, — особенно. Система больше не оберегает, не подсказывает, и даже порядком надоевшие рекламные сообщения, сны, наполненные специальными предложениями и акциями, казавшиеся ограничением свободы версии реальности, Андрееву кажутся в этой ситуации родными, уютными, теплыми. Может, не так уж это и плохо — жить и не думать? С простой целью на день — прожить этот день до конца?

— Очнулся?

Андреев вздрогнул от неожиданности и вскочил с дивана. Васильев стоял с чашкой в руке.

— Дерганый ты какой-то, — сказал Васильев и протянул чашку Андрееву. Тот не без опаски взял и понюхал. Он ожидал, что Система предложит выбор: «Выберите желаемый напиток», — но вместо этого почувствовал приятный запах кофе. Он замер в ожидании: «Запах кофе недоступен в этом тарифе», — но никаких уведомлений перед глазами не появилось. Андреев сделал глоток. Кофе слегка обжег язык. Андреев и не помнил, обжигался он хоть когда-нибудь за жизнь. Заботливая Система не могла допустить такой оплошности, обязательно предупредит, позаботится.

Васильев смотрел на Андреева с интересом, как наблюдают за только что освобожденным из клетки и выпущенным на природу зверем.

— Где я? — спросил Андреев.

— Может, тебе интереснее, почему ты здесь?

— И это тоже.

— Ты у меня дома. А здесь — потому что ты первый, кого я встретил с таким же тарифным планом, как у меня — «Святейший». Точнее, не встретил, а нашел.

— Как ты отключил меня?

Васильев пошарил в кармане и протянул на ладони Андрееву пулю-шокер, какими обычно стреляют полицейские дроны, когда нужно отключить человека.

— Я ничего не почувствовал, — удивился Андреев.

— Так она и работает.

— Зачем я здесь?

— Я не знаю, кто тот человек, что дал мне промокод для подключения этого тарифа, и ты, думаю, не знаешь, но мне кажется, он один из администраторов Системы. Не думал, зачем ему это было надо? — Васильев не стал дожидаться, когда Андреев ответит, и продолжил: — Проверка на уязвимость. Идея — вот что лежит в основе всего, даже в основе самой Системы. Любая новая идея Систему разрушает, и потребуется время, пока Система восстановится, включит эту новую идею в себя. Вот тебе и проверка — может ли человек сотворить новую идею, еще не являющуюся частью Системы.

— А почему «Святейший»? — Андрееву, наконец, удалось вклиниться в монолог Васильева.

— А разве идея бога не первое, что должно было прийти в голову? Наша заботливая Система даже тут не может не предложить вариант выбора.

— Так что ты от меня-то хочешь? — Андреев допил кофе и протянул пустую чашку Васильеву.

— Ты единственный, кто может помочь мне. Я хочу достать из головы модуль. Сам я не смогу, а любому другому, кроме тебя, Система не позволит.

— Как достать — это же смерть? Настоящая!

— А в этом моя идея, друг, в этом моя идея. Смерть — это свобода. Свобода — это идея, вот я ее и активирую. Достать из головы модуль. Только так можно умереть по-настоящему.

Васильев вышел из комнаты и вернулся с дрелью. Андреев и подумать не мог, что подобное устройство еще можно где-то найти, — устройство, никак не подключенное к Системе. Васильев протянул дрель Андрееву и показал на висок, там была уже поставлена метка, где сверлить.

— Просверли и достань, — сказал Васильев.

— Как я достану?

— Сейчас, — Васильев снова вышел из комнаты и вернулся с небольшим пинцетом. — Вот.

— Что если просто просверлить и сам модуль?

— Странный ты, будто не знаешь, что Система тут же всё восстановит: и модуль, и череп. Нужно достать.

Васильев лег на пол у ног Андреева, повернулся на бок и без слов ткнул пальцем в висок.

«Может, он и прав», — думал Андреев. Он помнил, как в понедельник почти умер. Он помнил это волшебное чувство освобождения, даже не чувство, а предчувствие. Помнил злость от бессилия, когда Система не дала ему умереть. «Я помогу ему», — решил Андреев.

— На какую глубину сверлить? — спросил Андреев.

— Там на сверле метка.

Андреев приставил сверло к виску Васильева. «Активируйте идею», — прочитал он. Дрель взвизгнула. Васильев закрыл глаза. На губах его застыла улыбка.

Воскресенье

Андреев шел по городу, не сознавая, где именно находится. Похоже на окраину — спальный район. Над жилыми многоэтажками, над каждым домом кружил

дрон-транслятор. Люди, что живут здесь, возвращались домой с работы и тут же погружались в сон: дроны-трансляторы следили, чтобы никто не бодрствовал. Оттого эти районы и стали звать спальными.

Андреев слышал, что здесь Система выдает самые лучшие сны. Рабочие люди должны просыпаться отдохнувшими и счастливыми. Кто-то рассказывал, что им даже рекламу в сны транслируют только в начале сновидения и в конце.

У первого встретившегося прохожего Андреев спросил, где находится ближайший многофункциональный центр. Мужчина в страхе шархнул от Андреева. Андреев понимал, почему тот так испугался: нет в мире людей, не знающих, куда им идти, и уж тем более ни у кого нет необходимости вот так запросто обращаться к незнакомому человеку. Все подскажет Система.

Перед глазами, как всегда, висело уведомление: «Активируйте идею». Но Андреев уже не обращал на него внимания. Он думал об улыбке Васильева. Тот не корчился от боли, когда Андреев просверлил ему череп, не проронил ни звука, когда пинцетом вытаскивал из его черепа модуль. Васильев молчал и улыбался. Он так и умер с улыбкой на губах. «Он был счастлив, — думал Андреев. — Свобода и счастье — такая же простая идея, как предложенная Системой идея бога и веры. Счастье оттого что свободен. Потому Васильев так хотел умереть, что только через смерть можно обрести свободу, а значит, — быть счастливым».

«Идея активирована!» — появилось перед глазами. И тут же: «Идет компиляция. До завершения осталось шестьдесят минут». Уведомление исчезло. Слева на периферии зрения появился таймер обратного отсчета. Андреев не знал, что будет после того, как компиляция завершится. Он удивлялся обретенной пусть только на час легкости сознания, будто всю жизнь его кто-то крепко держал за горло, а теперь отпустил.

«До завершения компиляции осталось тридцать минут», — появилось рядом с таймером, когда Андреев вышел за пределы спального района. Он шел к дому. Шел быстро, расталкивая прохожих, которых в этой части города было куда больше. Они не видели его. Сейчас, когда Система молчит в голове Андреева, он — невидимка для остальных. «Да и видят ли они хоть что-то кроме предложенного Системой? В какой вообще из версий реальности все эти люди?» — думал Андреев.

«До завершения компиляции осталось двадцать минут».

Андреев стоял возле своего подъезда, не решаясь войти. Еще минуту назад он хотел увидеть Андрееву. Теперь, понимая, что для жены, как и для всех сейчас, он — невидимка, он не знал, почему хотел увидеть эту женщину. Система не напоминала о том, что она была выбрана для него как идеальный партнер для жизни. Система не замещала искреннее чувство визуальными подборками, подстегивая желания и эмоции. Система не корректировала поведение Андреева и Андреевой, как это бывало, когда они рядом. Система не впрыскивала в мозг необходимую дозу серотонина для пребывания в иллюзии счастья. Любил ли теперь Андреев Андрееву просто так, как должен любить человек человека? «Конечно, нет, — думал Андреев. — Да и она не может меня любить. В этом мире никто никого не любит на самом деле. Все и каждый: избран, предложен, отстроен, напичкан».

«До завершения компиляции осталось пять минут».

«Кто она? Кто я? Кто мы? — несло в голове у Андреева. — Что ж! Моя идея — свобода и счастье. Даже Система это приняла. Я тоже хочу улыбнуться хоть раз по-настоящему. Сам! И потому, что мне хорошо просто так, потому что я просто так счастлив. Как же я понимаю теперь тебя, Васильев!»

Андреев сорвался с места и побежал в сторону ближайшего МФЦ так, как не бегал никогда. На самом деле он и не помнил, чтобы вообще когда-то бегал. Ветер

свистел в ушах. Глаза слезились. Легкие не справлялись. Андреев задыхался, но не останавливался.

«До завершения компиляции осталась одна минута».

«Смерть — свобода — счастье. Я найду здесь того, кто высверлит из моей головы модуль, и буду улыбаться, найду такого, как я, как Васильев», — Андреев не стал пристраиваться в конец очереди, в которой каждый надеялся на свое системное счастье, он стоял в стороне, крутил в руке пулю-шокер, захваченную из квартиры Васильева, и высматривал того, кто в своем поведении походил бы на него самого еще пару дней назад.

«Компиляция завершена».

Андреев зажмурился, ожидая чего-то ужасного, но увидел только, что таймер обратного отсчета обновился и рядом с ним появилось: «Идет поиск обновлений — поиск может занять от десяти до двадцати минут».

Наконец, он увидел девушку. В отличие от остальных, она смотрела в небо, хотя никаких дронов сейчас над очередью не кружило. Андреев подошел и приложил пулю-шокер ей ко лбу. Она упала без сознания к ногам Андреева, со всего маха ударившись затылком об асфальт. Светлые волосы тут же окрасились кровью. Андреев наклонился послушать дыхание, — девушка была мертва. Он аккуратно перевернул ее на живот и увидел, как восстанавливается проломленный череп. Модуль перешел в медицинский режим и всюду трудился. Уже через минуту над ней завис личный коптер-дрон, и еще через минуту она как ни в чем не бывало вскочила на ноги. Дрон сбросил ей в руки брендированный пакет сети магазинов «Тингам». Девушка радостно стала рыться в нем. Андреев еще пару минут наблюдал, на что-то надеясь, но когда та стала снимать с себя одежду, чтобы примерить подаренное Системой новое платье, плюнул под ноги и побежал в сторону того спального района, где находилась квартира Васильева. Андреев помнил, что бесполезно пытаться вытащить модуль самостоятельно, Система не позволит, но оставалась надежда, что сейчас, пока система ищет обновления, у него все-таки есть шанс.

Труп Васильева так и лежал на полу, как его оставил Андреев. Рядом лежала дрель с окровавленным сверлом. Андреев лег рядом с трупом Васильева, повернулся на бок и приставил сверло к виску. Он смотрел на окаменевшую улыбку Васильева и улыбнулся сам. Взвизгнула дрель.

«Найдено одно обновление. Опасно для здоровья! Внимание! Модуль переведен в защитный режим!»

«Я успею стать счастливым», — последнее, что успел подумать Андреев.

«Запущено восстановление. Медицинский режим активен. Восстановление закончено. Обновления установлены».

Андреев открыл глаза: «Воскресная распродажа в сети магазинов «Тингам»! Успеете купить продуктовый набор со скидкой тридцать процентов! Обновите подписку для просмотра новой серии девятого сезона сериала “Стоячие живые”».

Андреев встал с пола, подошел к окну. Заканчивался февраль. Система выкрасила небо в ярко-розовый и накидала фиолетовых листьев на мертвые на самом деле еще деревья. «Солнце», — подумал Андреев.

«Солнце недоступно в этой версии реальности», — выскочило уведомление перед глазами.

«Выберите цель на день».

«Прожить этот день», — выбрал Андреев.